

КОНСТАНТИН Ваншенкин во вступлении к своему трехтомному собранию сочинений, выпуск которого завершило издательство «Художественная литература», писал: «Армия военной поры сформировала мое поколение. Армия сделала нас людьми, армия — это мои университеты». И не случайно военная тема стала одной из ведущих в трехтомнике. Сам писатель рассказывает:

— Призвали меня в армию в конце сорок второго, прямо из десятого класса, когда мне только исполнилось 17. Получил направление в военное училище. Но проучился недолго. Училище переформировали, я оказался в воздушно-десантной бригаде.

Запомнилась первая встреча с десантниками. Когда мы прибыли в бригаду, шло очередное занятие. Довольно низко над полем кружил самолет, а сзади болтался человек: за хвостовое оперение самолета зацепился купол парашюта. С трудом солдат поймал брошенный из люка трос, на котором втащили его в кабину. На земле парашютист вылез из самолета бледный, но снова вызвался совершить прыжок. Он словно преподавал нам, новичкам, урок мужества.

А вскоре уже и я совершил первый прыжок. Учеба была недолгой. В сентябре сорок третьего в составе 4-й гвардейской воздушно-десантной бригады участвовал в освобождении Донбасса.

Так начинался мой военный путь. А заканчивался он на фронтовых дорогах Венгрии, Австрии и Чехословакии. О Победе узнал в чешском городе Зноймо. Мы еще продолжали бои. Недобитые фашисты стремились ночами по проселкам прорваться на запад. Наши же части, заняв шоссе, перекрыли им дорогу. А спустя несколько дней после Победы вблизи города Писек, над Влтавой, мы встречались с американскими союзниками...

Вот из этих фронтовых впечатлений во многом и складывались мои первые сборники стихов «Песня о часовых», «Портрет друга», а затем и проза, повести «Армейская юность», «Авдюшин и Егорычев», «Графин с петухом» и другие произведения.

— Константин Яковлевич, к военной теме вы обращаетесь и в наши дни...

— Ежегодно в мае проходят встречи моих однополчан. Я всегда хожу на эти встречи. К сожалению, из нашего взвода осталось только четверо: в Котласе работает Б. Н. Бурков, в Пскове — Н. В. Шабанов, на Кировоградчине — И. Т. Тьякин, в

Москве — я. Мы вспоминаем минувшие бои, погибших друзей. И нередко после встреч с однополчанами чувствуешь, надо еще очень многое успеть рассказать о своем поколении.

По-разному возникают книги. В году 72-м, помню, ко мне обратились писатель Сергей Сергеевич Смирнов и фронтовой фотокорреспондент Михаил Анатольевич Трахман. Они задумали двухтомный фотоальбом «От Советского информбюро». От меня требовалось сделать к снимкам эссе или лирические этюды. Работа была почти закончена, когда

опыта создавалась, например, поэма «Жизнь человека». Она состоит из коротких глав: «Он» — об уцелевшем на войне солдате, «Она» — о девушке, которая пережила войну в тылу, «Их дочь», а вслед — «Их внучка», «Их сверстники» и «Утро». В поэме не случайно отсутствуют колоссальные описательные пласты, даны только основные узлы человеческой жизни.

Этот прием в свое время одобрил Твардовский. В конце 50-х годов я написал о нем статью, построенную будто из фрагментов: шла какая-то мысль и отбивка, а

дого тогда Эдуарда Колмановского, и то после того, как Колмановский переписал музыку дважды. А уже потом появились песни «Вы слушайте, мы вас подождем», «Вальс расставанья», «Алеша» и другие. В 1965 и 1969 годах мои песни вместе с нотами выпускались отдельными сборниками. Сейчас в издательстве «Советский композитор» выходит еще один такой сборник.

— Чем объясняется ваш интерес к документальному кино и выбор героев?

— Лет шесть назад на телевидении возникла идея: рассказать школьникам о любимых произведениях через личностное восприятие читателей и писателей. Я подготовил для учебной программы передачу о «Василии Теркине» Твардовского. На фоне документальных кадров попытался сочетать литературный анализ с рассказом об истории поэмы, об отношении к ней фронтовиков. Затем сделал для телевидения передачу о Михаиле Луконине и Семене Гудзенко, а на Центральной студии документальных фильмов — ленты «Детство Твардовского», «Встречи с Михаилом Исаковским» и «Размышления о доме Герцена».

Выбор героев, конечно, не случаен. Фильмы посвящены дорогим для меня людям. С Исаковским например, я впервые встретился после войны. Это были тяжелые для меня годы поисков своего места в жизни. Сначала я поступил в геологоразведочный институт и писал стихи, основой для которых служили фронтовые впечатления. В редакциях эти стихи хвалили, но не печатали, говорили, что с военной темой, мол, перебор, нужна мирная тематика. Тогда я набрался храбрости обратиться к Исаковскому, чьи песни часто пел на фронте. И он поддержал меня, помог с первой публикацией, и я перешел в Литературный институт.

— Рассказ о своих учителях и друзьях по писательскому цеху вы постоянно продолжаете и в прозе, и в поэзии...

— Постоянно вспоминаются новые подробности, важные, как мне кажется, для понимания характеров моих героев и поколения, «вышедшего из войны», а значит, рождаются и новые книги воспоминаний и размышлений. Вот только что из печати вышел сборник «Поиски себя», тематически продолжающий мои книги «Наброски к роману» и «Лица и наброски». В него включены не только литературные портреты, но и различные заметки, которые уже много лет делаю по ходу чтения, наблюдения о поэзии, песнях, переводах, о мастерстве.

Беседу вел
Вячеслав ОГРЫЗКО.

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ВОЙНЫ

Беседа с Константином ВАНШЕНКИНЫМ

неожиданно заболел и умер Смирнов, а затем в одночасье скончался Трахман. Рукопись затерялась где-то в издательствах. И только спустя несколько лет я обнаружил свои черновики. Стал читать их, и мне показалось, что миниатюры могут существовать и отдельно, без фотографий. Так появилась книга «Рассказ о потерянной фотоальбоме».

Часто ключ к стихам дают письма и встречи. Помните война, болтавшегося за хвостом самолета? Через 20 лет я встретил его. Это Александр Мелехов. На его счету было свыше 400 прыжков, но он продолжал служить. Я тогда посвятил ему стихотворение «Сверхсрочники» — о фронтовиках, воспитывающих в наши дни новое поколение десантников.

— Чем, на ваш взгляд, отличаются стихи, написанные через 40 лет после войны?

— На одни и те же вещи на каждом жизненном рубеже всегда смотришь как-то по-иному. В юности все казалось по силам. Мои сверстники были молоды, мы не пугались трудностей. Впереди нас ждала счастливая жизнь. Эти настроения и определяли мои первые стихи, наверное, в чем-то излишне описательные и длинные.

Пришел другой возраст. Появились дети, внуки. И многие события юности открылись совершенно по-новому. Другими стали стихи. Может, более лаконичными, более точными. В этом ключе с высоты сегодняшнего

затем совсем другое наблюдение и снова отбивка. Твардовский посоветовал мне в таком стиле написать повесть. Он говорил: «Профессиональные прозаики любят строить мостики, которыми соединяют разные эпизоды. А вы попробуйте отказаться от этих мостиков».

Через годы я как бы обратился к этому приему и в поэме. Мне показалось: когда смотришь на жизнь, в первую очередь видишь очевидные результаты, главные периоды судьбы. А чем они наполнены — это было в моих книгах. В поэме я хотел напомнить молодежи о жизни своего поколения. Многие мои сверстники «в смертельной метели нашли они место свое. Что в жизни успели? Отдать за Отчизну ее». И память о них должна сохраниться в сердцах наших внуков.

— В трехтомнике представлено и ваше песенное творчество. Как рождаются песни?

— Приобщению к песенному творчеству я во многом обязан Марку Бернесу. В 1957 году вышел мой сборник «Волны», в котором было опубликовано стихотворение о выдающемся артисте. Разумеется, я тут же привез ему книгу. А он обратил внимание на начальное стихотворение сборника «Я люблю тебя, жизнь». Бернес сказал: это то, что я ищу, надо только сократить и кое-что переделать. Он сам заказывал музыку. Было несколько вариантов, предложенных известными композиторами, но артист отдал предпочтение музыке моло-